

Пятокнижіе Моисеево.

Епископа Михаила.

Историческая письменность каждого изъ древнихъ народовъ ограничивалась лишь исторіей *своего* народа; своя собственная народная историческая жизнь, развивавшаяся особно и самостоятельно, при обособленности всѣхъ народовъ древности, составляетъ исключительный предметъ занятій и изслѣдованій каждого древняго историка; состояніе другихъ, даже ближайшихъ сосѣдственныхъ народовъ, ихъ религія, законы, общественное устройство не занимали его, и онъ говорилъ объ этихъ народахъ въ своей исторіи лишь потолику, поколику народу, исторію котораго онъ пишетъ, приходилось сталкиваться съ ними большею частію на войнѣ; слѣдовательно, говоритъ мимоходомъ, мало, обще и внѣшне; онъ занимается исключительно историческими судьбами своего народа. Особенность націи, религіи, общественнаго устройства и проч. давали исторіи каждого народа особый характеръ, а слѣдовательно, и его исторіографіи.

То же самое видимъ и въ исторической письменности еврейскаго народа. Ветхозавѣтная исторіографія не есть всеобщая исторія; она есть частная исторія народа Божія, посетителя и представителя идеи царства Божія на землѣ, въ одной опредѣленной формѣ теократіи. — Только исторія до избранія Авраама имѣетъ предметомъ своимъ общую исторію всего рода человѣческаго; но она слишкомъ кратка и, видимо, есть только вступленіе къ исторіи собственно — Еврейскаго народа, — какъ были подобныя вступленія и у другихъ древнихъ историковъ. Какъ скоро историкъ въ своихъ повѣствованіяхъ дошелъ до исторіи Авраама, тотчасъ прекращается общая исторія и — онъ исключительно занимается исторіею праотцевъ Еврейскаго народа, потомъ и самаго народа, останавливаясь по необходимости на Египтѣ, гдѣ томился народъ Божій, и сообщая нѣкоторыя сказанія о немъ, на сколько эти сказанія касались отношенія Египтянъ къ Евреямъ. За первымъ такимъ историкомъ послѣдовали и другіе историки, ограничиваясь исторіею чисто народною. — Внутреннее развитіе этого

народа, его завѣтное отношеніе къ Богу-Иеговѣ, его законодательство, внутреннее религіозное и гражданское устройство, вѣрность или отступленіе изъ законовъ Иеговы, въ слѣдствіе того, счастливыя или несчастныя обстоятельства,—вотъ главное содержаніе всѣхъ историческихъ памятниковъ письменности Еврейской, все внѣшнее относится къ этому внутреннему развитію, какъ видимая внѣшняя сторона духовной жизни и держится лишь болѣе или менѣе тѣснымъ отношеніемъ къ этому внутреннему началу и существенному основанію судебъ Еврейскаго народа.—Отсюда необходимое ограниченіе—то, что только тамъ, гдѣ народъ Божій приходитъ въ соприкосновеніе съ чуждыми ему народами, это чуждое входитъ въ кругъ ветхозавѣтной исторіи; но поставляется оно, это чуждое, такъ, что является взору читателя только какъ случайное и чисто внѣшнее, описывается лишь встрѣча безъ дальнѣйшаго изображенія быта того народа, съ которымъ имѣетъ дѣло историкъ, его религіи, нравовъ, устройства государственнаго и пр., или же—только съ краткими, общими замѣчаніями.

Въ основаніи развитія этого строго опредѣленнаго и ограниченнаго содержанія лежащая и все развитіе его проникающая идея есть идея откровенія Иеговы въ своемъ народѣ, откровенія, которое имѣетъ цѣлю изъять этотъ одинъ народъ изъ круговорота лжи, легшей въ основаніе всего развитія язычества. Это—не отвлеченная теорія, но живое ощущеніе дѣйствій Иеговы, живущаго въ своемъ народѣ и непосредственно управляющаго имъ. Здѣсь, именно, находимъ мы не то неопредѣленное исканіе челоуѣкомъ Божества, какое проявляется у всѣхъ древнихъ языческихъ народовъ; напротивъ, здѣсь Богъ разыскуетъ народъ Свой и является ему въ своей истинности. Истина повѣствованія, какъ Богъ искалъ Адама въ раю по полудни,—лежитъ въ основаніи раскрытія всей жизни Еврейскаго народа, и—его исторіи. Такимъ образомъ, представляющееся здѣсь состояніе, религіозное и политическое, народа существенно отличается отъ состоянія всѣхъ древнихъ народовъ; это состояніе особенное, какъ идея теократіи въ этомъ смыслѣ и въ противоположность простой іерархіи, съ которою однако же она часто смѣшивается, есть совершенно особенная, ни гдѣ у другихъ народовъ не развивающаяся идея. Эта особенность жизни теократическаго народа проста для пониманія историка, какъ простъ самый механизмъ, такъ сказать, этой жизни, въ противоположность

запутанному ходу жизни языческих народов и трудности, поэтому, пониманія самой ихъ жизни. Все человѣчество представляется постепенно отпадавшимъ и отпадшимъ отъ Бога, какъ истины; въ слѣдствіе того, въ основаніе всей его жизни, какъ отпадавшаго и отпавшаго отъ истины, постепенно входила и вошла ложь. Но Богъ-Иегова, для сохраненія истины или истинной религіи, избираетъ одинъ народъ и изъемлетъ его изъ этого круговорота лжи, даетъ ему законъ, какъ норму истинной дѣятельности его, законъ, имѣющій привести его къ Избавителю всего рода человѣческаго, имѣющему явиться въ народѣ Еврейскомъ. Если этотъ избранный народъ исполнить требованія этого богоданнаго закона, значить, онъ устранивается отъ зла, отъ языческой лжи міра, дѣлаетъ угодное Богу и, въ слѣдствіе этого, счастливо устроится его внѣшняя судьба, счастливо располагаются его внѣшніи обстоятельства. Если же онъ не исполняетъ требованій этого святаго закона, значить, онъ на сторонѣ міра, лжи, значить, онъ противникъ Богу—истинѣ; въ слѣдствіе того Богъ наказываетъ его различными внѣшними бѣдствіями; гибельно устроятся его внѣшніи обстоятельства; это—наказаніе Божіе, имѣющее цѣлю вразумить народъ, что онъ оставляетъ Его и уклоняется на зло. Какъ скоро, вразумленный, онъ сознаетъ себя неправымъ, обращается къ исполненію закона,—прекращаются наказанія и въ той мѣрѣ прекращаются, въ какой онъ исправляется. Вотъ весь ходъ жизни этого народа съ теократическимъ правленіемъ. Это воззрѣніе лежитъ въ основаніи и всей исторіографіи народа Еврейскаго, составляя все содержаніе ея, раскрываемое въ изображеніи обстоятельствъ жизни Еврейскаго народа.

Этому содержанію и этому воззрѣнію на жизнь Еврейскаго народа, со всѣми обстоятельствами ея, вполне соответствовало и самое изображеніе ея въ историческихъ памятникахъ. Здѣсь, прежде всего, замѣчается удивительное единство въ основномъ взглядѣ на всѣ происшествія, на всѣ подробности, на всѣ, повидимому, случайныя событія. Какъ ни различны были побужденія къ написанію и цѣли написанія различныхъ историческихъ книгъ, какъ ни различны были по характеру своему писатели разныхъ книгъ, и какъ ни различны были по духу и направленію тѣ времена, въ которыя они жили и писали; но во всѣхъ ихъ и у всѣхъ ихъ совершенное единство въ осмысленіи фактовъ; въ нихъ виденъ особый Духъ, единый и одинаковый вездѣ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и

откровеніяхъ. Еврейскій историкъ, при описаніи событій, случившихся въ своемъ народѣ въ то или другое время, нигдѣ не видитъ случая или произвола, не знаетъ не объяснимаго въ исторіи; онъ видитъ непосредственное дѣйствіе Божества; рука Божія во всемъ является его вѣрующей душѣ и—онъ все объясняетъ дѣйствіемъ ея. По нему, дѣйствіе Божіе проникаетъ во все человѣческое такъ глубоко и объемлетъ все такъ полно, какъ только можетъ пропикнуть и обнять, не смѣшиваясь съ нимъ и не уничтожая человѣческой самостоятельности. Насколько чужды ему были странныя чудеса политеизма въ исторіи, настолько чуждо было и то холодное воззрѣніе на исторію, которое объясняетъ факты изъ фактовъ, которое представляетъ исторію мертвымъ сцѣпленіемъ происшествій, порождаемыхъ естественно одни другими, которое представляетъ природу и исторію чуждыми непосредственныхъ дѣйствій Божественнаго Духа, по которому Богъ обитаетъ тамъ, вдали отъ міра, отдѣльный отъ него и безконечно возвышающійся надъ нимъ, по которому между Богомъ и міромъ и исторіей стоитъ много посредствующихъ звеньевъ, по которому Богъ не дѣйствуетъ предъ нашими чувствами, не живетъ въ единеніи и проникновеніи всего. Такое воззрѣніе діаметрально противоположно воззрѣнію Еврейскихъ историковъ. Напротивъ, они видѣли Божественное дѣйствіе всюду и всюду созерцали его вседѣйствующую близость. Богъ правитъ Своимъ царствомъ, все дѣлается по Его мановенію и дѣйствію.—Случилось ли, что враги напали на неустроившихся еще въ Ханаанѣ Евреевъ при Судіяхъ, это—Богъ насылалъ ихъ за то, что Евреи охладѣли къ Нему, не исполняютъ Его законовъ; нужно обратиться къ Богу, и Онъ изгонитъ ихъ; такъ и бывало. Случилась ли моровая язва при Давидѣ; это Богъ наказалъ народъ въ лицѣ царя за горделивую самонадѣянность на свои силы.—Вездѣ близость Бога къ человѣку, вездѣ непосредственное дѣйствіе Его Эти историки удивились бы позднѣйшимъ историкамъ, такъ любящимъ исключительно естественныя объясненія, безъ мысли о таинственныхъ, незримыхъ для нихъ, дѣйствіяхъ Божественныхъ.

Съ другой стороны, въ изложеніи Еврейскихъ историковъ господствуетъ духъ высокой, благородной простоты. Это и естественно: у нихъ такъ просто воззрѣніе и такъ истинно объясненіе, а простота въ воззрѣніи и истинность не могутъ не имѣть слѣдствіемъ и простоты въ изложеніи.—Языкъ ихъ

исторіи по большей части разговорный, языкъ разсказа; онъ чуждъ стремленія къ внѣшнему изяществу рѣчи, къ изысканнымъ фразамъ и оборотамъ, къ строгимъ переходамъ, вообще ко всему, что относится къ внѣшнему краснорѣчію; но эта самая простота, въ ея первоначальномъ видѣ, какъ она является у священныхъ повѣствователей, сама есть изящество, до котораго трудно, даже невозможно достигнуть при стараніи о внѣшнемъ краснорѣчіи; эта изящная простота вдругъ исчезаетъ, какъ скоро является стремленіе къ искусственной прозѣ. — Кто наблюдалъ за повѣствованіями историковъ, тѣмъ болѣе, кто самъ занимался повѣствованіемъ письменнымъ, тотъ знаетъ, какъ, при желаніи сказать только то, что дѣйствительно случилось, и при самомъ тщательномъ выборѣ словъ и выраженій, если проявляется заботливость о внѣшней красотѣ рѣчи, незамѣтно примѣшиваются оттѣнки опредѣленія прошедшаго, не совсѣмъ согласныя съ прошедшимъ, личныя сужденія, личныя воззрѣнія на прошедшее, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя неточности и невѣрности. Если же это повѣствованіе переходитъ въ искусственную прозу, когда изъ желанія всесторонне раскрыть происшествіе пускаются въ общія сужденія и заключенія и, давая слишкомъ много простора разсудочной отвлеченности, частностями жертвуютъ общимъ соображеніямъ, тамъ истина событія или ряда событій еще чаще ускользаетъ отъ вниманія и еще чаще извращается. Отсюда неправильныя сужденія не только о частныхъ фактахъ, но и цѣлыхъ періодахъ; отсюда неточность въ передачѣ не только частныхъ событій, но и цѣлаго ряда ихъ. Отсюда-то происходитъ, что трудно бываетъ, даже невозможно иногда, отдѣлить истинно случившееся отъ личнаго взгляда и сужденія о немъ того, кто передаетъ о немъ, увидѣть, такъ сказать, остовъ происшествія безъ плоти и крови, которыя придаетъ ему повѣствователь своими словами, заключенными въ искусственной рѣчи, даже въ досточтимѣйшихъ историческихъ трудахъ языческой древности, напримѣръ, гдѣ проявляется эта забота объ искусственности и отсутствіе первоначальной простоты; многія событія являются не въ такомъ свѣтѣ, какъ они были на самомъ дѣлѣ, многое опущено, нѣчто прибавлено и нѣчто извращено. Но это не такъ у свящ. историковъ Еврейскихъ; они пишутъ, какъ было дѣло, пишутъ просто, разговорнымъ тономъ, безъ общихъ характеристикъ періодовъ, безъ преднамѣреннаго группированія происшествій, безъ общихъ отвлеченныхъ сужденій, и—это-великое, сильное

доказательство истинности и дѣйствительности описываемыхъ ими происшествій; они такъ просты, что самая эта простота свидѣтельствуешь объ истинности ихъ: ибо истина проста; какъ скоро она мудрена, мудроно выражается, доказывается и раскрывается—вѣрный знакъ, что эта мудреная истина не раскрылась до полной истинны въ сужденіи лица, раскрывающаго ее, т. е., что это лицо еще не поняло этой истины. По святой простотѣ и нераздѣльной съ нею истинности, эти священныя сказанія о временахъ и событіяхъ давно-миновавшихъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что все остальные народы о тѣхъ временахъ имѣли лишь мудреные мифы и легенды. Чистыя философскія или отвлеченныя народныя воззрѣнія облакались въ искусственную одежду фактовъ, и отдѣленіе дѣйствительно случившагося отъ вымышленнаго было бы совершенно невозможно, если бы не передано было въ безыскусственныхъ, простыхъ и, при этой простотѣ, истинныхъ преданіяхъ, записанныхъ священными писателями, или сказаніяхъ о событіяхъ, описанныхъ ими самими.

Еще новое качество внѣшняго изложенія событій свящ. Еврейскими историками, тѣсно связанное съ ихъ простотою и безыскусственностію изложенія, то, что, пользуясь, при составленіи извѣстныхъ книгъ извѣстными источниками, они пользуются ими буквально, въ болѣе или менѣе краткихъ извлеченіяхъ; они не старались измѣнять то, что сказано вѣрно, точно и хорошо; напротивъ, ихъ заботою было исправить и измѣнить только то, что сказано было несправедливо, а все остальное они повторяли такъ, какъ было въ первоисточникахъ. Отсюда происходитъ то, что во многихъ случаяхъ различныя писатели, въ описаніи однихъ и тѣхъ же событій, сходны даже до буквы, и—это сходство простирается на цѣлыя отдѣленія (ср. 4 Цар. 18, 13—20. 19. Исаа. 36—39). Равнымъ образомъ, съ этою же простотою и безыскусственностію тѣсно связано то качество, что священ. Еврейскіе историки, *подобныя* событія, какъ скоро они повторяются, изображаютъ одними и тѣми же словами. Если въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ случаются повторенія указаній на одни и тѣже источники, которыми пользовались составители ихъ, то, обыкновенно, повторяется такой оборотъ: *прочая же словеса*—такого-то царя,—и *вся елика сотвори* и пр. *не се ли сія писана быша въ книзѣ или царей Иудиныхъ и Израилевыхъ* или *въ лѣтописи царскомъ* (—3 Цар. 14, 19; 2 Пар. 20, 34. 3 Цар. 14, 29. 2 Пар. 27, 24 и др. 3 Цар.

11, 41. 2 Цар. 9, 29 и мн. др.). Точно также время царствованія царей Іудейскихъ и Израильскихъ и время ихъ смерти обозначается, обыкновенно, одинаковымъ образомъ: въ такое-то лѣто такого-то царя воцарился такой-то, царствовалъ столько-то времени, и—*сотвори правое* или *лукавое предъ Господомъ* и пр. (4 Цар. 12, 1. 2 Цар. 24, 1. 4 Цар. 15, 1. 2 Цар. 26, 1 и пр.). И вообще, писатели почти всегда, при изображеніи подобныхъ событій, выражаются почти одними и тѣми же прямыми и простыми словами и оборотами, не изыскивая и не придумывая новыхъ, искусственныхъ. — Точно тоже видимъ и въ книгахъ Моисеевыхъ; тамъ постоянно одинъ лишь переходъ отъ предъидущаго къ послѣдующему: *и рече Господь къ Моисею, глаголя*, и пр. *Глаголю сыномъ Израилевымъ; рцы сыномъ Израилевымъ* и проч. (Исх. 25, 1. Лев. 12, 1. Числ. 17, 1 и пр.) *Сія глаголетъ Господь: Азъ есмь Господь Богъ вашъ, вы же людие Мои, Азъ изведохъ вы изъ земли Египетскія изъ дому работы* и пр.; и установленія многихъ законовъ предварены одними и тѣми же словами.

При этихъ общихъ, совершенно одинаковыхъ у всѣхъ историковъ Еврейскихъ, свойствахъ письменности, у всѣхъ одинакова и общая форма, въ которой они излагаютъ свои писанія. Это форма—лѣтописи. И въ книгахъ Моисеевыхъ, и въ писаніяхъ всѣхъ прочихъ повѣствователей, происшествія не систематизируются по отвлеченнымъ категоріямъ, а описываются просто по порядку преемства ихъ, съ означеніемъ, въ какое время они совершились и какъ совершились. Моисей по порядку описываетъ, что при такомъ-то патріархѣ случилось то и такъ, на такомъ-то станѣ въ пустынѣ—то и такъ; послѣдующіе писатели описываютъ событія по періодамъ правленія судей и царей въ чисто лѣтописномъ порядкѣ.

Пять книгъ Моисеевыхъ въ канонѣ св. ветхозавѣтныхъ книгъ занимаютъ первое мѣсто, какъ по времени своего происхожденія прежде всѣхъ остальныхъ книгъ, вошедшихъ въ канонъ, такъ и по важности своего содержанія: они составляютъ осново-положеніе для пониманія происхожденія и развитія царства Божія на землѣ; на ихъ содержаніи опираются всѣ послѣдующіе историкъ и пророки; они суть основаніе всего Ветхозавѣтнаго откровенія.

Вся Іудейская и Христіанская древность несомнѣнно въ-ровала и убѣждена была въ подлинности происхожденія Пя-

токнижія Моисеева отъ Моисея, великаго посредника Божественныхъ откровеній въ народъ Еврейскомъ. Мужи великой Синагоги, образовавшейся вскорѣ по возвращеніи Евреевъ изъ плѣна, вѣроятно, еще во дни Ездры, Нееміи и послѣднихъ пророковъ,—хранители чистаго Еврейскаго преданія относительно ихъ свящ. книгъ; страстно привязанный къ греческой философіи и мирившій ее съ священными книгами Филонъ; получившій греческое образованіе историкъ св. народа Флавій, не только ничего не говорили противъ происхожденія Пятокнижія отъ Моисея, но оставили сильныя и рѣшительныя свидѣтельства о томъ, что пять книгъ Закона принадлежатъ первому вождю Евреевъ, Моисею. Отъ сектъ, которыя образовались между Евреями около времени Христова въ Палестинѣ и Египтѣ, не осталось никакихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы какая-либо изъ нихъ, или кто либо изъ послѣдователей ихъ высказалъ сомнѣніе въ происхожденіи Пятокнижія отъ Моисея, а секта Самарянъ принимала именно одно только Пятокнижіе, какъ законъ Божій, преданный отъ Моисея. Удивительное единодушіе—сильное свидѣтельство истины происхожденія Пятокнижія отъ Моисея.

Христось и Его Апостолы не только раздѣляли эту всеобщую вѣру и непоколебимое убѣжденіе предковъ и современниковъ, но выразительно и прямо подтверждали и утверждали ихъ своимъ авторитетомъ (—Мѡ. 19, 7. Мр. 12, 19. Іоан. 1, 45. Іоан. 5, 46—47. Мр. 12, 26), и приводили различныя мѣста изъ пятокнижія историческаго и не историческаго содержанія, какъ истинную исторію, какъ истинное откровеніе Божества (Рим. 10, 5. Евр. 13, 12. 13 и мн. др.).—Писатели христіанскіе всѣ утверждали подлинность происхожденія Пятокнижія отъ Моисея, хотя школа неумѣренныхъ аллегористовъ, съ Оригеномъ во главѣ, не вездѣ въ историческихъ сказаніяхъ книгъ Моисеевыхъ видѣла исторію.—Еретики перво-христіанскаго времени—Гностики и не-гностики также увѣрены были въ происхожденіи Пятокнижія отъ Моисея; по крайней мѣрѣ, противныхъ свидѣтельствъ о нихъ нѣтъ.—Извѣстны лишь не многіе Гностики, ратовавшіе противъ закона, такъ называемые Антиномисты.—Таковъ, по Епифанію, Гностикъ Птоломей.—Но его цѣль не та, чтобы доказать псеудинность Пятокнижія, а—отвергнуть Божественное происхожденіе заповѣдей, содержащихся въ немъ. Онъ утверждаетъ, поэтому, что эти законы произошли частію отъ Моисея, частію отъ старцевъ народныхъ, но не откровеніе

Божіе,—что, при особенныхъ догматическихъ тенденціяхъ этой гностической секты, вовсе не имѣеть значенія. Указываютъ еще на Назореевъ и секту, мнѣнія которой выражены въ Клементинахъ; но и здѣсь, собственно, та же цѣль—заподозрѣть Божественное происхожденіе содержащихся въ Пятокнижій сказаній и—то далеко не всѣхъ, а только тѣхъ, которыя казались имъ соблазнительными въ какомъ бы то ни было отношеніи и недостойными Божества, по ихъ ограниченному воззрѣнію. Сюда же принадлежитъ и извѣстный антиномистъ Маркіонъ. О всѣхъ прочихъ сектахъ и лжеучителяхъ не извѣстно, чтобы они отвергали подлинность и Божественное происхожденіе Пятокнижія чрезъ Моисея, а есть свидѣтельства за подлинность Пятокнижія.

Болѣе сильными противниками подлинности и Божественнаго происхожденія Пятокнижія были Цельсъ и Юліанъ, которые на многія событія, описанныя въ этихъ книгахъ, смотрѣли какъ на легенды и миѣы, и поставляли ихъ въ параллель съ языческими; но—это было явленіе мимолетное, не оставившее слѣда по себѣ ни въ Церкви, ни внѣ ея; по разборѣ и опроверженіи такихъ воззрѣній писателями церковными, къ нимъ болѣе не возвращались. Новые поборники противъ Пятокнижія, тщательно выискивавшіе слѣдовъ неблагопріятныхъ Пятокнижію воззрѣній на него и неотыскавшіе никакихъ, кромѣ немногихъ и не значительныхъ вышеупомянутыхъ,—указываютъ еще на фразу Іеронима, изъ которой и заключаютъ, что Іеронимъ сомнѣвался въ подлинности Пятокнижія. Фраза эта слѣдующая: *Sive Mosen dicere volueris auctorem Pentateuchi, sive Esdram ejusdem instauratorem operis, non recuso.* Не говоря уже о томъ, что во всѣхъ сочиненіяхъ Іеронима не только нѣтъ указанія на сомнѣнія его въ подлинности Пятокнижія, но есть много прямыхъ и не прямыхъ указаній въ пользу его,—каковъ смыслъ вышеприведенной фразы? Іеронимъ, очевидно, имѣетъ въ виду Іудейское сказаніе, содержащееся въ третьей книгѣ Ездры, о чудесномъ возстановленіи Ездрую всѣхъ утратившихся Ветхозавѣтныхъ книгъ, этимъ, очевидно, не отвергается подлинность Пятокнижія, какъ и всѣхъ прочихъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, а представляется Ездра только какъ *iustaurator* подлиннаго текста всѣхъ книгъ. Такъ какъ это сказаніе служило-бы, напротивъ, еще подтвержденіемъ подлинности Пятокнижія, если бы было достовѣрно, но достовѣрность его не признается; нечего на него и ссылаться, равно какъ и на помянутую фразу Іеронима.

Единодушная увѣренность Иудеевъ и Христіанъ въ подлинности происхожденія Пятокнижія отъ Моисея и въ совершенной исторической достовѣрности всѣхъ сказаній, содержащихся въ немъ, какъ Божественнаго откровенія, продолжалась до прошедшаго вѣка, за немногими лишь исключеніями. Пять—шесть человекъ въ 17 вѣкѣ высказывали нерѣшительно нѣкоторыя сомнѣнія въ происхожденіи нѣкоторыхъ мѣстъ Пятокнижія отъ Моисея и хотѣли видѣть въ нихъ позднѣйшія вставки (интерполяціи), но ихъ голоса не имѣли тогда значенія. Сомнѣнія выразились и сильно развились только съ тѣхъ поръ, какъ экзегезъ всталъ подъ вліяніе школьной философіи, когда началась борьба между супранатурализмомъ и философскими системами деистовъ, натуралистовъ, и пр. Когда философія школь отвергала супранатурализмъ, какъ непосредственное откровеніе и дѣйствіе Божества въ мірѣ, и прикладывала результаты своихъ воззрѣній къ Библии; то естественно, что на Пятокнижіи, какъ на основѣ Еврейской религіи, остановились прежде всего, и на немъ неблагопріятно отразились всѣ эти воззрѣнія. Чудобоязнь, легшая въ основаніе всѣхъ критическихъ изслѣдованій школь о Библии, отразилась и на изслѣдованіяхъ о Пятокнижіи. Слѣдить подробно съ этихъ поръ за исторіей разныхъ воззрѣній на Пятокнижіе было бы долго; мы выскажемъ только результаты этихъ воззрѣній, чтобы тѣмъ опредѣлить тѣ вопросы, которыми предлежитъ намъ заниматься, при историко-критическихъ изслѣдованіяхъ о Пятокнижіи.

Всѣ вопросы историко-критическаго изслѣдованія о Пятокнижіи сводятся къ двумъ главнымъ и общимъ вопросамъ: а) о происхожденіи Пятокнижія и б) о характерѣ содержащихся въ немъ сказаній. Само собою разумѣется, что какъ скоро оторвались отъ положительнаго постояннаго преданія и всеобщаго ученія Церкви и съ точки зрѣнія одностороннихъ, болѣе или менѣе узкихъ, системъ школы, при постоянной ихъ смѣнѣ, начали трактовать Пятокнижіе, — единства въ воззрѣніяхъ быть не могло, и — критики разныхъ школь дѣйствительно далеко-далеко разошлись между собой, особенно въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ, такъ что, если собрать всѣ таковыя мнѣнія въ одно и сопоставить ихъ взаимно, то, это, безъ преувеличенія — борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Перескажемъ болѣе общія воззрѣнія, оставивъ развитіе частныхъ до рѣшенія частныхъ вопросовъ о томъ или другомъ предметѣ.

1. Въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи Пятокнижія развивались и развиваются слѣдующія мнѣнія: а) Болѣе умѣренныя приверженцы разныхъ школъ признають подлинность происхожденія Пятокнижія отъ Моисея, но не въ настоящемъ видѣ; они считаютъ его интерполированнымъ, т. е., наполненнымъ прибавленіями и вставками позднѣйшаго происхожденія. Защитники этого возрѣнія: Ейхгорнъ, извѣстный поборникъ натурального объясненія чудесъ, Бертольдъ, Гербстъ и друг. Какъ различить интерполяціи отъ подлинныхъ Моисеевыхъ сказаній? Въ рѣшеніи этого вопроса и въ приложеніи его такъ много разнообразія, что нѣтъ возможности слѣдить за этимъ. Одинъ признаетъ интерполяціею то, что не признаетъ другой; одинъ видитъ ихъ множество, другой немного, третій—еще менѣе; сопоставить все ихъ—выйдетъ, что мало-мало не интерполяцій, хотя если разобрать каждыя бритака отдѣльно, выйдетъ, что интерполяцій гораздо меньше, чѣмъ подлинно Моисеевыхъ сказаній. б) Крайнія стороны школъ дошли до отрицанія подлинности происхожденія отъ Моисея почти всего Пятокнижія, исключая самыя малыя частицы его; все, по ихъ мнѣнію, позднѣйшаго происхожденія, хотя они безконечно разнятся между собою въ опредѣленіи времени происхожденія тѣхъ или другихъ сказаній. Во главѣ этого возрѣнія стоитъ Деветте,—представитель крайнихъ возрѣній Шлейермахеровой школы. Здѣсь происходило то же, что въ Евангельской исторіи у Штрауса, Гфререра и Бр. Бауэра; крайность доходила до отрицанія всего, тѣмъ обличала несостоятельность положенной въ основаніе изслѣдованій системы и принциповъ, и вызвала и должна была вызвать реакцію въ самомъ отрицательномъ направленіи, и уничтожиться. Реакція послѣдовала въ лицѣ Евальда и его приверженцевъ, съ ихъ гипотезой постепенныхъ переработокъ одного писанія Моисеева—*Grundschrift, kristallisationshypothese*, какъ ее называютъ, въ которой опять признается довольно многое подлиннымъ произведеніемъ Моисея, постепенно восполнявшимся и въ послѣдствіи времени принявшимъ настоящій видъ. Наконецъ, в) мнѣніе большинства экзегетовъ и историковъ, мнѣніе Церкви, какъ католической, такъ и протестантской, мнѣніе господствующее—что Пятокнижіе въ томъ видѣ, какъ оно есть теперь, все сполна произошло отъ самого Моисея, исключая извѣстія о его смерти. Итакъ, относительно вопроса о происхожденіи Пятокнижія современная наука предлагаетъ слѣдующія задачи для историко-критическаго изслѣ-

дованія: а) объ интерполяціяхъ въ Пятокнижїи; б) о совершенномъ отриданїи Моисеевскаго происхожденія Пятокнижїя; в) о гипотезѣ постепеннаго восполненія Моисеева Grundschrift'a, и г) о происхожденїи всего Пятокнижїя отъ Моисея.

2. Въ рѣшенїи вопроса о характерѣ сказанїй, содержащихся въ Пятокнижїи, задачи не такъ сложны, хотя не менѣе трудны. Здѣсь одно, въ существѣ дѣла, воззрѣніе школъ на сказанїя, именно-воззрѣніе, какъ на народную легенду и миѡ. Разборъ этого воззрѣнїя и составляетъ задачу историко-критическихъ изслѣдованїй о Пятокнижїи—въ отношенїи къ сохраненїю его.

Объ интерполяціяхъ въ Пятокнижїи.

Мѣстъ, въ которыхъ видятъ позднѣйшія вставки (интерполяцію), нѣсколько родовъ: а) тѣ, въ которыхъ содержатся подробныя топографическія, географическія и статистическія описанїя Палестины, которыя, будто, не могутъ принадлежать Моисею, не бывавшему въ Палестинѣ; б) тѣ, въ которыхъ города и мѣста названы такими именами, которыя, по указанїямъ другихъ книгъ или соображенїямъ, даны имъ уже послѣ Моисея, которыми, слѣдовательно, если онъ писатель пятокнижїя, онъ не могъ ихъ назвать; в) тѣ, въ которыхъ къ именамъ собственнымъ, особенно къ именамъ мѣстъ, сдѣланы такія поясненїя, которыхъ не могъ написать самъ Моисей, потому что эти поясненїя указываютъ на событія, случившіяся послѣ Моисея; г) тѣ мѣста, въ которыхъ прямо описываются событія, случившіяся послѣ Моисея, и, наконецъ, д) такія выраженїя, которыя прикровенно указываютъ на другое лицо, позднѣйшее Моисея, какъ на писателя извѣстныхъ отдѣленїй книгъ, а вслѣдствїе того, эти мѣста признаются позднѣйшими вставками.

Въ книгѣ Бытія не разъ упоминается о Хевронѣ,—13, 18, 23, 2. Тоже и въ книгѣ Числь 13, 23. Между тѣмъ, по свидѣтельству книги Іисуса Навина и Судей, онъ въ древности назывался другимъ именемъ Карїаѡъ—Арвокъ, или градъ Арговъ, или градъ Арвокъ (Нав. 14, 15. 15, 13. Суд. 1, 10), а имя Хеврона ему усвоено уже послѣ; слѣдовательно, Моисей не могъ такъ называть его въ своихъ книгахъ, а слѣдовательно, эти мѣста обличаютъ позднѣйшую вставку, или указываютъ на позднѣйшаго писателя вообще этихъ отдѣленїй. Эти мѣста считали позднѣйшей вставкой еще давно,